

Viktor Chuzhykov

Prof., Doctor of Economic Sciences

Anatolii Poruchnyk

Prof. Doctor of Economic Sciences

Kyiv National University of Economics, Ukraine

Социальные потоки и социальная политика интеграционного союза

ВВЕДЕНИЕ

Социальная неустойчивость в глобальной экономике в первом десятилетии XXI ст. проявила себя с новой силой, существенно дистанцировав государства по целому ряду индикаторов и создав, таким образом, определенные условия для формирования гипертрофированных миграционных потоков, которые в той или иной мере напрямую связаны с потоками инвестиционными, удержать которые в прежних национальных рамках уже не представляется возможным. Исходя из этого большое значение в настоящее время имеют динамика, качество и объемы потоков социальных, прежде всего потому, что последние являются прямой реакцией общества на те глобальные тектонические движения в мировой экономике, которые постоянно меняют соотношение сил между основными акторами глобальной хозяйственной системы. Решительный переход к неолиберализму, в направлении которого в последнее время продвигаются страны-лидеры существенно изменил отношение к двум, доминирующим в 90-х годах XX столетия парадигмам – *Homo economicus* и *Homo sociologicus*. Как результат – появился целый новых парадигм – локального развития, конкурентоспособности, интеграционного развития и т.д. На отраслевом уровне также возник целый ряд секторальных парадигм, некоторые из которых соответствовали неолиберальным концепциям, другие же, наоборот, полностью отвергали их. Претерпели изменения и социальные модели, большинство из которых оказались не менее дифференцированными чем экономические. Т.е. произошло то, о чём ещё в 2002-м году предупреждал венгерский экономист Янош Карнаи [Kornai, 2002]: дальнейшее дробление существа парадигмы не может не привести к утрате системности в её понимании. Возьмем на себя смелость

утверждать, что подобного рода дифференциация скорее всего будет иметь место и в будущем, т.к. удержать ускоренное расслоение общества в условиях глобального капитализма вряд ли удастся, а следовательно неопределённость глобальных парадигм или так называемый предпарадигмальный вакуум будет существенно влиять на продуцирование (скорее всего неэффективное) все новых и новых концепций развития. С другой стороны – выявление социальных последствий нелиберальных политик стран-лидеров является чрезвычайно важным для формирования целостных социально-экономических моделей как отдельных государств, так и их коалиций. По нашему глубокому убеждению сделать это без выяснения сути глобальных социальных потоков и возможностей проводимой странами социальной политики довольно затруднительно, что и подтолкнуло авторов к написанию предлагаемой читателю статьи.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БЕКГРАУНД МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТОКОВ

Начало XXI века ознаменовано формированием целого ряда теорий, которые неоднозначно вписывались в существующую ныне нелиберальную модель, как единственно доминирующую. Если предположить, что в рамках её действия человечество вновь возвращается к парадигме *Homo economicus*, то можно предвидеть, что в переходный период формирования новой глобальной теории изменятся прежде всего те параметральные характеристики, которые веками считались незыбленными, а именно:

- задачи теории (на первое место очевидно будет выходить принцип эффективного распределения ресурсов);
- мотивация поведения, которая вместо существовавших ранее намерений максимизации прибыли будет на прагматическом уровне ориентироваться прежде всего на результат [Лейонхуфвуд, 2006];
- изменения в поведении индивидов, которые откажутся от адаптивной модели и скорее всего перейдут к оптимальным нормам, носящим, как нам представляется, телеологический характер;
- институциональная система регулирования представляется поляризацией отношений, приводящих как развитию глобальных и мегарегиональных институтов так и к сворачиванию их деятельности, что объясняется консолидированным действием целого ряда ТНК и ТНБ;
- новая концепция экономического равновесия будет измеряться не привычными категориями совокупный спрос и совокупное предложение (как это было в «Экономиксе»), а глобальным спросом и глобальным

предположением, основные слагаемые которых еще не достаточно изучены.

Естественно, что перечисленное выше привело к формированию целого ряда концепций, имеющих либо прямой либо опосредованный характер, определивший суть социальных потоков в глобальной экономике. С нашей точки зрения теоретическими предпосылками, обусловившими формирование теории социальных потоков были следующие:

- социальная этика и социальная экономика [Cleaver, 2002];
- социальная безопасность и социальные стандарты [Siebert, 2002];
- креативные классы и креативные регионы [Florida, 2004];
- локальная конкурентоспособность [Siebert, 2007].

Не вдаваясь в подробности отметим, что именно они способствовали выявлению направлений развития теории социальных потоков и возможностей их идентификации при помощи простого и доступного инструментария.

Анализ современной экономической литературы проведенной авторами статьи убеждает в том, что первым высказал идею относительно существования социального пространства и социальных потоков, Manuel Castells в 2004 году во втором издании своей книги “The Rise of the Network Society“. Он считает, что социальные потоки формируются в результате взаимодействия между технологией, обществом и экономическим пространством. С точки зрения М. Castells интеллектуальный маршрут (поток), объединяет в себе реализацию человеческого потенциала, его формирование и концентрацию в мегаполисах, а также дистанционное движение инновационной составляющей при помощи сетевого ресурса. Таким образом качество жизни в т.ч. социальные условия определяют будущее качество интеллектуального ресурса, который в условиях глобализации мирового хозяйства может быть локализован в определенной части планеты, а может быть решительно делокализован, путем использования личных достижений отдельных индивидуумов или их групп (классов) основными акторами глобальной экономики. Вместе с тем, формирования креативного класса, как считает американский учёный Richard Florida (2004) приводит к поляризации использования (недоиспользования) имеющегося потенциала человеческих ресурсов (см. табл 1).

Как видно из таблицы ранговое совпадение между численностью креативного класса и соответствующим индексом не прослеживается, что ставит вполне законный вопрос: как формируются социальные потоки в США? Может ли неуправляемое региональное развитие (американская прерогатива неолиберализма) привести к дальнейшему увеличению социальных противоречий в отдельных штатах?

**Таблица 1. Креативная занятость и креативный индекс в США
[Florida, 2004; p. 157].**

Численность креативного класса			Креативный индекс		
Ранг	Город	Кол-во	Ранг	Город	Кол-во
1	New York	2688810	1	San-Francisco	1057
2	Los Angeles	1984700	2	Austin	1028
3	Washington-Balt...	1458580	3	Boston	1015
4	Chicago	1389160	4	San-Diego	1015
5	San-Francisco	1211520	5	Seattle	1008
6	Filadelphia	927090	6	Raleigh-Durnam	996
7	Dallas-Fort Worth	825390	7	Houston	980
8	Detroit	776540	8	Washington	964
9	Boston	746230	9	New York	962
10	Houston	691600	10	Dallas-Fort Worth	960
11	Atlanta	641600	11	Minneapolis	960
12	Minneapolis	578520	12	Los Angeles	942
13	Seattle	561730	13	Atlanta	940
14	Denver	451070	14	Denver	940
15	Miami	440450	15	Chicago	935

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЕС

Социальная политика у ЕС по уровню дискутивности и споров всегда относилась к рекордным среди других политик Сообщества. Достаточно привести пример подписания Маастрихтского договора, Социальный Протокол к которому вызвал у Великобритании большие возражения и следовало приложить достаточно большие усилия и последовавшие за этим изменения в составе правительства (к власти в конце 90-х пришли лейбористы), чтобы уже в следующем – Амстердамском договоре «социальный раздел» занял надлежащее ему место и был признан всеми участниками Союза.

Ст. 137 ДЕС четко регламентировала основные направления сотрудничества в социальной сфере между наднациональными институтами и государствами-участниками. Наиболее существенными из них были:

- улучшение в первую очередь условий труда для защиты здоровья и безопасности работников;
- условия труда;
- интеграция лиц, исключенных из рынка труда;
- равенство мужчин и женщин относительно возможностей на рынке труда и отношения к ним на работе.

Статья 140 (прежняя 118 ст.) ориентировала деятельность Европейской Комиссии, как координатора действий во всех отраслях социальной сферы на:

- √ занятость;
- √ улучшение трудового законодательства и условий труда;
- √ базовую и специальную профессиональную подготовку;
- √ социальную защиту;
- √ предотвращение несчастных случаев во время работы и профессиональных болезней;
- √ гигиену труда;
- √ право на ассоциации и коллективные договоры между работодателями и трудящимися.

Таким образом, законодательством ЕС регламентируется как раньше так и сейчас достаточно широкий круг социальных вопросов, которые в то же время являются сферами действия национальных правительств и национальных структур, которые часто выступают не только координаторами, но и теми организаторами, которые финансируют через Европейский Социальный фонд целый ряд общих программ и проектов. Сложность реализации социальной политики в ЕС, объясняется еще и тем, что в Сообществе существует целый ряд социальных страновых моделей, которые принято называть режимами благосостояния (*welfare regimes*). Именно они предусматривают использование специфических финансовых механизмов, включая ту часть ВВП, которая перераспределяется через бюджет на социальные потребности, а также государственные гарантии социальных прав. Наличие общих черт в социальных программах позволило немецкому исследователю Лотару Витте (2006) четко выделить четыре социальные модели ЕС:

- англо-саксонскую, либеральную;
- северную, универсальную, социалистическую;
- континентально-европейскую, корпоративную;
- средиземноморско-корпоративную, основанную на традициях, в т.ч. семейных.

В основе такой классификации лежит с одной стороны географический принцип, с другой – имеющаяся система социального страхования, государственная социальная и налоговая политика, которые выступают финансовым фундаментом реализации целого комплекса программ. Например ко второй группе социальной модели относят Швецию и Финляндию, соотношения налоги/социальные услуги в которых, является уже давно абсолютизированным, однако «социальный пакет», к которому привыкло

не одно поколение шведов, в конце 90-х годов XX ст. «стал» значительно «легче», ведь дороговизна рабочей силы в Скандинавских странах постоянно подталкивала предпринимателей к вывозу капитала.

На наднациональном уровне социальную политику ЕС нередко идентифицируют с позитивными и негативными результатами интеграции в этой сфере (таблица 2).

Таблица 2. Традиционное использование понятий «позитивная и негативная интеграция» (с примером из социальной политики)

Действия		Функции конкуренции	
		Формирование рынка	Коррекция рынка
Вид правоприменения	Принятие законов	(1) Например, обеспечение свободного перемещения рабочих	(2) Директива для регуляции, например, рабочего времени (=ПОЗИТИВНА ИНТЕГРАЦІЯ)
	Совершенствование права	(4) Использование или интерпретация имеющегося права (через Европейский Суд или Комиссию) с точки зрения рыночной свободы: например, вхождение на рынок «дешевых матросов»* (=НЕГАТИВНА ИНТЕГРАЦІЯ)	(3) Использование или интерпретация имеющегося права с точки зрения социальной организации: например, критика недостаточности частичной занятости как способа дискриминации женщин**

* В свое время Европейский Суд (1999) запретил найм на немецкие корабли филиппинских матросов, которые получали заработную плату на 20% ниже их коллег из европейских государств, сославшись таким образом на соответствующие статьи Договора о ЕЭС.

** Категория «размер рабочего времени» часто встречается в документах о гендерной политике.

Источник: Фалькнер Г. *Між провалинами формування та інтегративними ефектами кооперації:* / Европейская интеграция. За ред. М. Яхтенфуке, Б. Колер-кох. – К.: Видавничий дім «Кисво-могилянська академія», 2007. – С. 317.

Как правильно подметила Герда Фалькнер (2007) любое действие евроструктуры в социальной сфере (а это тянет за собой изменения в сфере экономической) может быть расценено как позитивное следствие интеграции со стороны, например, рабочих, которые выступают за уменьшение рабочего времени, так и негативный, со стороны работодателей, которые должны отказаться от части получаемой прибыли. Увеличение же суммы налогов, которые направляются на социальные потребности также воспринимаются в странах ЕС по-разному.

Таблица 3. Социальные индикаторы в некоторых странах ЕС и мира

Страна	Доход на душу населения (1)	«Здоровая» средняя продолжительность жизни (2)	Грамотность (взрослые) (3)	Грамотность (молодежь) (4)	Участие в выборах (5)	Участие в жизни гражданского общества (6)	Распределение доходов (индекс Gini) (7)	Уровень относительной бедности (8)	Преступления, совершенные с применением насилия (9)	Количество заключенных (10)
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>
Дания	29 900	70,1	68,0	61,4	82,4	1,49	23,6	14,7	6,1	42,9
Финляндия	27 500	7,01	63,2	80,5	70,4	1,59	24,7	12,4	7,9	49,6
Швеция	28 200	71,8	74,9	69,2	80,5	1,76	25,2	12,3	6,4	41,3
Бельгия	28 500	69,7	60,4	66,0	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют	25,0	14,4	4,3	37,2
Германия	26 400	70,2	58,3	57,0	74,0	1,14	26,4	13,2	5,9	65,0
Франция	27 900	71,3	Данные отсутствуют	64,7	60,4	0,63	28,8	14,1	5,3	Данные отсутствуют
Нидерланды	29 300	69,9	64,1	Данные отсутствуют	72,7	2,09	24,8	12,7	6,4	34,8
Австрия	29 600	71,0	Данные отсутствуют	65,9	77,5	0,93	26,6	14,2	5,9	62,0
Греция	19 600	70,4	Данные отсутствуют	52,8	85,6	Данные отсутствуют	33,0	20,0	Данные отсутствуют	31,2
Италия	26 200	71,0	Данные отсутствуют	57,5	87,8	0,52	33,3	19,9	2,5	50,8
Испания	23 300	70,9	Данные отсутствуют	59,9	78,1	0,33	30,3	17,3	5,4	110,7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Португалия	18 300	66,8	19,9	50,7	77,0	0,56	37,0	20,0	1,5	85,4
Польша	11 500	64,3	23,9	55,3	48,2	Данные отсутствуют	29,3	15,2	3,3	113,3
Чехия	16 100	66,6	57,7	59,6	77,2	Данные отсутствуют	25,9	10,5	Данные отсутствуют	150,1
Венгрия	14 600	61,8	32,9	54,7	59,0	Данные отсутствуют	29,5	13,4	Данные отсутствуют	109,0
Австралия	26 300	71,6	55,2	70,5	82,5	Данные отсутствуют	31,1	22,2	10,4	93,4
Великобритания	29 100	69,6	49,6	69,3	68,0	0,98	34,5	21,3	8,8	90,2
США	37 600	67,6	50,4	63,8	45,3	1,56	36,8	23,8	4,9	468,5

Примечания:

1. ВВП на душу населения в долларах США, рассчитанная на основе паритета покупательной способности, 2003; <http://www.oecd.org/dataoecd/48/5/2371272.pdf>
2. Здоровая средняя продолжительность жизни, все население, 2001; <http://www.oecd.org/dataoecd/39/46/2492187.xls>
3. Высокая или средняя грамотность среди взрослого населения, 1998; <http://www.oecd.org/dataoecd/39/49/2492163.xls>
4. Процент тех, кто учится (в возрасте 15 лет) и получил не менее 481 балла по комбинированной шкале определения грамотности, 2000; http://www.pisa.oecd.org/knowledge/annexb/t2_1a.htm
5. Явка избирателей на парламентских выборах, из 1999 г. (в среднем, собственный подсчет); <http://www.oecd.org/dataoecd/40/3/2492208.xls>
6. Среднее количество общественных групп, к которым принадлежит респондент, 1990-1991; <http://www.oecd.org/dataoecd/40/3/2492208.xls>
7. Коэффициент Gini; <http://www.lisproject.org/keyfigures/ineqtable.htm>
8. Относительный уровень бедности в расчете на все население (менее 60 процентов от среднего дохода, за последний год исследование); <http://www.lisproject.org/keyfigures/povertytable.htm>
9. Нападения, угрозы и сексуальные преступления, процент жертв в предыдущем году (2000 или последний год исследования); <http://www.oecd.org/dataoecd/39/44/2492201.xls>
10. Осуждены взрослые, с приговором тюремного заключения (на 100000 человек населения, 2000; <http://www.oecd.org/dataoecd/39/44/2492201.xls>)

Источник: Віте Л. *Европейська соціальна модель і соціальна згуртованість: яку роль відіграє ЄС?* – К.: Заповіт, 2006. – С. 12–13.

Если в Скандинавских государствах соглашаются с тем, что суммарные налоги могут превышать 50% дохода гражданина, то жители Португалии или Греции достаточно негативно относятся к такой идее, ведь, как вытекает из таблицы 3, бедными в этих государствах (с европейских позиций) является каждый пятый, а коэффициент распределения доходов (индекс Джини) в странах этой группы значительно превышает аналогичный в Дании, Финляндии, Швеции. Другие же индикаторы, которые рассчитываются Евростатом существенно меняют традиционное представление, например, о том, что бедность нередко подталкивает людей на преступления. Выявить такую закономерность ссылаясь на данные таблицы 3, невозможно, т.к. если принять во внимание, то что в Греции уровень бедности составляет 20%, а количество заключенных в расчете на 100 тыс. жителей не превышает 31,2 (минимум), то можно предположить что такая связь если и имеется, то она не является доминирующей. Зато для Испании, такое соотношение определяется пропорцией, 17,3% и 110,7 человек. В качестве дополнения отметим, что количество заключенных в США является рекордным среди всех постиндустриальных стран. В 2000-ом году досоставило 468,5 лиц на 100 тыс. жителей (те в тюрьме находился каждый двухсотый американец).

Названные выше противоречия европейской социальной модели привели к тому, что некоторые исследователи и функционеры из стран ЕС утверждают, что единой социальной политики в Европейском Союзе нет и быть не может. Другие же придерживаются прямо противоположной точки зрения. В этой связи достаточно показательным можно считать Барселонский саммит Европейского Совета (2002), где было четко определено, что «европейская социальная модель опирается на значительные экономические достижения, высокий уровень социальной защищенности, высокий уровень образования и социальный диалог».

Постоянные противоречия в трактовке социальной политики привели к тому, что немало исследователей начали отмечать её двойственную структуру, в частности по М. Даудерштеду [Vite, 2006] в Эвросоюзе выделяется *твердое ядро*, к которому автор относит влияние экономической политики ЕС на рост и занятость, распределение благосостояния (первичное распределение доходов между капиталом и трудом, вторичное перераспределение, соотношение между ростом производительности труда, доходами и другими формами роста благосостояния, которые финансируются из налоговых поступлений) и *мягкая оболочка*, которая состоит из политики в сфере занятости, в образовании, в социальной сфере, а также политики создания рабочих мест (предложение рабочей силы рассматривается как доминирующее), социальной защиты населения

и тому подобное. Учитывая это, достаточно проблемными выглядят попытки учёных чётко размежевать сферы социальной политики, выделив при этом ту часть, за которую отвечает ЕК и ту, что является компетенцией правительств. Говоря о необходимости регуляции социальных пропорций в ЕС, следует чётко представлять то, что чрезвычайно важной в современной Европе является позиция профсоюзов, которые, традиционно, достаточно жестко (Франция, Италия) отстаивают права трудящихся. Их требования в социальной сфере чётко и недвусмысленно сформулировал Председатель объединения немецких профсоюзов Михаэль Зоммер (2006). По его мнению они должны сводиться к пяти основным:

- реализация Лиссабонской стратегии (2000) относительно обеспечения полной занятости за счёт увеличения количества рабочих мест и улучшения условий труда, а не соревнований за более низкую зарплату и худшие условия;
- усовершенствование европейского законодательства в социальной сфере (создание европейских стандартов для социальной защиты наемных работников);
- реформа директивы «О Европейских производственных советах» (это должно открыть новые возможности для наемных работников относительно их участия в управлении организацией);
- участие работников в принятии решений;
- проведение транснациональных переговоров по тарифным ставкам и заключение транснациональных тарифных соглашений.

Система социальных инициатив в Европейском Союзе в нач. XXI ст. оказалась достаточно широкой. В частности, среди них кроме уже известных «Интеррег-III» и «Урбан-II», которая была ориентирована на возрождение депрессивных территорий, а следовательно также имела целью улучшение социальных пропорций, действовали и другие социальные программы, в частности «Лидер+» (Lider+), которые были нацелены на подъём активности в сельских коммунах и разрабатывания в них локальных стратегий развития. Четкую социальную направленность имела также инициатива (Equal), главной целью которой оставалось устранения неравноправия и дискриминации на рынке труда, в первую очередь среди мужчин и женщин.

Решения Европейского Совета в Лиссабоне (2000) открыли новые возможности для развития «электронного образования», которое должно было сократить отставание в этой отрасли от США и Японии. Предполагалось, что создаваемый в её рамках так называемый «школанет» мог бы максимально упростить процесс получения знаний через использование новых технологий.

На протяжении 2000–2004 годов в ЕС действовали также программы: «Сократ» (SOCRATES), которая обеспечивала повышение уровня владения молодежью стран ЕС иностранными языками, мобильности образования, взаимное признание дипломов, поощрение инноваций в преподавании дисциплин; «Леонардо да Винчи» (Leonardo da Vinci), что была направлена на повышение квалификации, инноваций и европейского измерения профессиональных систем и практик посредством транснационализации труда; «Молодежная программа», которая открывала новые возможности для молодежи в плане реализации неформального образования.

Приведенное выше заставляет думать о том, что социальный поток в ЕС в период 2007–2013 годов существенно расширился как в объёмах так и в качествах. Достаточно чётко такая тенденция прослеживается в позиции Европейской Комиссии, которая чётко определила на период 2007–2013 гг. *Новую диспозицию социальной политики*. Отныне социальная политика имеет конкретный компонентный состав: культура, образование, аудиовизуальная и медиа политика, культура, образование и тренинги, программа «Европа для граждан», спорт); окружающая среда и социальные права (наука и технологии, нанотехнологии); потребители, здоровье (безопасность питания, потребители, здравоохранение).

Последующему развитию социальных отношений в ЕС содействовало принятие в марте 2005 года так называемой «Social Agenda 2005–2010». «Социальная Европа в глобальной экономике: работа и участие для всех». В специальном послании ЕК (Communication of the European Communities 09.02.2005) (COM (2005) 33 final) чётко отмечаются четыре основных принципа действующей социальной политики:

- закрепление позитивных европейских подходов относительно обеспечения взаимосвязей между экономической, социальной политиками и политикой занятости;
- повышение зависимости между занятостью, социальной политикой и предпринимательством, что в конечном итоге позволит повысить качество человеческого и социального капитала;
- модернизация систем социальной защиты;
- применение модели «цена отсутствия социальной политики».

Сетевой метод в планировании развития социальных систем в Европейском Союзе стал активно использоваться начиная с 2000-го года. Тем не менее уже в ходе реализации “Social agenda 2005–2010” обнаружился острый дефицит новых подходов к определению интегративной сущности социальной политики и регулирования соответствующих пропорций. Исходя из этого было предложено немало новых тем, которые в определенной мере затрагивали не только обычную статистическую отчетность (количество врачей в стране, удельный вес людей с высшим образованием

и проч.), а были ориентированы на исследования результатов качественных изменений в социальной структуре всего Европейского Союза. Очень показательной в этой связи является работа греческой исследовательницы М. Giaotzi и голландца Р. Nijkamp (2008), которые попытались изучить влияние сетевого общества в Европе на систему синтетических социальных блоков: электронная торговля B2B, мобильные информационные пространственные технологий и рынок труда. Можно предположить, что уже в следующей «Европейской семилетке» (2014–2020) подобные исследования примут ярко выраженный системно-индикативный характер.

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА УКРАИНЫ И ЕС В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ (УКРАИНСКИЙ КЕЙС)

Социальная политика Европейского Союза всегда идентифицировалась, как это было продемонстрировано ранее, на трех основных уровнях – наднациональном, национальном и региональном (локальном). Такая комплиментарная модель является наиболее оптимальной и в других странах-лидерах, т.к. позволяет за счёт привлечения значительных средств решить немало проблем, которые непосредственно связаны с движением человеческого капитала и обеспечением соответствующих социальных стандартов в странах-членах. Учитывая значительное отличие в заработных платах Украины (час труда оплачивается в среднем 0,8€) и ЕС (20€), относительно близкое расстояние между нашим государством и странами Европейского Союза, подобную ментальность и другие общие черты (например преобладание христианской морали) можно утверждать, что миграционный поток к Сообществу будет еще долго оставаться достаточно мощным, а следовательно реальной будет возможность имплементации основных механизмов и инструментов социальной политики ЕС в Украине.

По мнению председателя Объединения немецких профсоюзов М. Заммера (2006) общей для Украины и ЕС могла бы стать «Программа достойных условий», которая включала бы четыре стратегических сферы деятельности:

- основные нормы труда;
- политика занятости;
- социальная защищенность;
- социальный диалог.

Несколько другой, более прагматичной позиции придерживается ряд исследователей на Украине. Например, Н. Иванова (Министерство труда и социальной политики Украины) убеждена, что основными направлениями социальной реформы должны стать:

- проведение активной политики занятости населения;

- поэтапное приближение основных государственных социальных гарантий к прожиточному минимуму;
- реформирование системы оплаты труда и легализация теневых доходов;
- погашение задолженности по выплатам заработной платы;
- совершенствование систем социального страхования и реформирования пенсионной системы;
- повышение эффективности государственной поддержки наименее защищенных групп населения.

№ пункту Плана действий	Разделы и пункты Плана действий	Индекс выполнения мероприятий		Индекс выполнения Плана действий		Оценка Консорциума экспертов (прогресс)	Оценка украинского Правительства (прогресс)	Оценка ЕС (прогресс)									
		2005	2006	2005	2006	2005–2006	2005–2006	2005–2006									
2.6. Межчеловеческие контакты		<p>Полное выполнение</p> <table border="1"> <caption>Bar chart data: Index of implementation of the action plan for 'Interpersonal contacts'</caption> <thead> <tr> <th>Group</th> <th>2005</th> <th>2006</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Индекс выполнения мероприятий</td> <td>0,73</td> <td>0,76</td> </tr> <tr> <td>Индекс выполнения Плана действий</td> <td>0,43</td> <td>0,48</td> </tr> </tbody> </table>				Group	2005	2006	Индекс выполнения мероприятий	0,73	0,76	Индекс выполнения Плана действий	0,43	0,48			
Group	2005	2006															
Индекс выполнения мероприятий	0,73	0,76															
Индекс выполнения Плана действий	0,43	0,48															
2.6.1–2.6.3	Наука и технология, исследование и развитие	0,70	0,83	0,43	0,56	определенный	умеренный	умеренный									
2.6.4–2.6.6	Образование, учёба и молодежь. Культура и аудиовизуальные мероприятия	0,78	0,71	0,46	0,42	определенный	значительный	значительный									
2.6.7	Сотрудничество в сфере гражданского общества	н/з	н/з	н/з	н/з	–	–	–									
2.6.8	Трансграничное и региональное сотрудничество	1,00	0,85	0,73	0,67	значительный	умеренный	–									
2.6.9	Здравоохранение	0,69	0,70	0,34	0,38	умеренный	определенный	нуждается в последующем углублении									

Рис. 1. Общественный мониторинг выполнения плана действий УКРАИНА-ЕС: предварительные оценки

Источник: УКРАИНА–ЕС: от плана действий к усиленному Соглашению / Украинский центр экономических и политических исследований имени Александра Разумкова. Институт Европы Университета Цюриха. – К., 2007. – С 19.

Общим направлением деятельности профсоюзов мог бы стать социальный диалог, к которому заместитель председателя Федерации работодателей Украины В. Пиддубний (2007) относит: согласование экономической и социальной политики государства, прежде всего политики доходов; согласование базовых показателей социальной справедливости и главных гарантий защиты населения; переговорный характер устранения разногласий. Вместе с тем на нынешнем этапе, нельзя сводить сферы социальной конвергенции Украины и ЕС исключительно к защите прав трудящихся, ведь возможных вариантов для сотрудничества насчитывается достаточно много.

Нередко в Евросоюзе для оценки вариантов сближения стран в социальной сфере используют не только официальную статистику относительно отдельных индикаторов социального развития, но и мониторинговую оценку совокупного действия в определенных сферах, которые представляют собой общий интерес. Свое отношение к этому, как правило, выражают ведущие эксперты которые специализируются на изучении определенного перечня проблем. Подобной практики придерживается и в Украинском центре экономических и политических исследований имени Александра Разумкова (рис. 1).

Как наименее вытекает из основных показателей таблицы выполняемыми оказались мероприятия в отрасли государственного здравоохранения, науки и технологий, а также сотрудничества в сфере построения гражданского общества.

Выводы

Стремительное развитие экономических отношений между странами-лидерами неизменно привело уже в первом десятилетии XXI ст. к возникновению целой системы противоречий, связанных с нахождением глобальной экономики на передпарадигмальном этапе своего развития. Это требует существенной модернизации подходов к социальной политике, которая сейчас реализуется на национальном и наднациональном уровне. В этой связи исключительно важным является четкая позиционная идентификация, чёткая позиционная идентификация, которая сводится к следующему:

1. Социальный поток, в условиях усиленной экономической глобализации не может идентифицироваться как простой перечень количественных результатов деятельности общества, а скорее всего должен рассматриваться как интеллектуальный маршрут движения человеческого капитала, предусматривающий его формирование, концентрацию, дистанционное движение при помощи сетевого ресурса с последующими процессами локализации / делокализации.

2. Формирование разноуровневого креативного класса в странах-лидерах может привести к его дальнейшей гиперконцентрации в селективных мегаполисах мира; однако это не означает, что уровень его использования в них будет однозначно высоким.

3. Эффективность современной социальной политики всё более будет зависеть от формирования не столько дополнительных мощностей в общественной инфраструктуре сколько от синергии взаимодействия социально-экономических систем, имеющий чёткий компонентный состав и кибернетический механизм прохождения сигналов. Частично это реализуется в ЕС уже сейчас в «Social Agenda 2005–2010» однако большая часть социальных моделей нового поколения будет применена в следующем периоде (2011–2015).

4. Наиболее важным для Украины является не столько имплементация европейских социальных стандартов, достигнуть которых удастся ещё нескоро, сколько понимание эффективности новых индикационных моделей, которые принципиально отличаются от пока что доминирующих в обществе советских подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Віте Л., 2006, *Європейська соціальна модель і соціальна згуртованість*. – К.: Заповіт, 2006. – 43 с.
2. Геєць В.М., Семиноженко В.П., 2006, *Інноваційні перспективи України*. – Харків: Константа, 2006. – С. 114, 124–125.
3. Иноземцев В.Л., 2000, *Пределы «догоняющего» развития*. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2000. – С. 65.
4. Корнай Я., 2002, *Системная парадигма* // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 4–16
5. Лейонхувульфуд А., 2006, *Макроэкономическая теория в двадцатом столетии: основные вехи развития* // Вопросы экономики. – 2006–№ 1.–с.26–45
6. *Соціальна Україна в соціальній Європі* / Фонд ім. Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні та Білорусі., 2006, – К.: Заповіт, 2006. – 36 с.
7. Фалькнер Г., 2007, *Між прогалинами формування та інтегративними ефектами кооперації: держава загального добробуту та інтеграція з погляду історичного інституціоналізму* / Європейська інтеграція. Укладачі М. Яхтенфукс, Б. Колер-Кох. – К.: КМА, 2007. – С. 315–337.
8. Barnes M., 2002, *Poverty and Social Exclusion in Europe*. – Cheltenham: Edward Elgar, 2002. – 164 pp.
9. Castells M., 2000, *The Rise of the Network Society*. – Oxford: Blackwell Publishing, 2000 – 594 pp.
10. Castells M., 2004, *The Rise of the Network Society*. Second Edition. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004 – 590 pp.

11. Florida R., 2004, *The rise of the creative class.*– NY: Books Group, 2004. – 434 pp.
12. Giaotzi M., Nijkamp P., 2008, *Network Strategies in Europe. Developing the future for Transport and ICT.* – Ashgate, 2008. – 450 pp.
13. Purdy D., 2007, *Social Policy / The Economics of the European Union. Policy and Analysis /* Ed. By Mike Artis and Frederick Nixcon. – Oxford: University Press. – P. 240–270.
14. Scharpf F., 2003, *The European Social Model / Integration in an Expanding EU: Reassessing the Fundamentals.* – Oxford: Blackwell Publishing, 2003. – P. 109–134.
15. Science and Technology, 2005, *Research and Development (R&D) – Investment in Knowledge // OECD Factbook 2005 // www.oecd.org*
16. Siebert H., 2002, *The World Economy.* Second edition.– London– NY: Routledge, 2002. – 315 pp/
17. Siebert H., 2006, *Lacational Competition: A. Neglected Paradigm in the International Division of Labour // The World Economy.* – 2006. – № 2 (29). – P. 137–159.

Social Flows and Social Policy in the Integrated World

Summary

The authors consider the peculiarities of social flows in the global economy linking them to the new approaches in the social policies in the EU and the USA. Also the achievements of social convergence of Ukraine and the EU are considered.

Zmiany społeczne i polityka społeczna w zintegrowanym świecie

Streszczenie

Autorzy rozważają specyfikę zmian społecznych w gospodarce globalnej, łącząc je z nowym podejściem w kształtowaniu polityk społecznych UE i USA. Ponadto w opracowaniu zaprezentowano osiągnięcia w zakresie społecznej konwergencji Ukrainy i UE.